

*Для моей умной, любящей и талантливой
сестры Камилль.*

Глава первая

Посреди одного из торговых центров Коритауна есть «Караоке Джей» — прямо между кафе, где продают баббл-чай, и парикмахерской.

Дверь последней как раз распахивается, когда я прохожу мимо:

— Эй, Дженни-эй! — кричит с порога Суки Ким, хозяйка салона и парикмахер в одном лице, держа в руках полиэтиленовый пакет и плойку. — Поздороваться не собираешься?

— Здравствуйте, миссис Ким, — послушно отвечаю я. Еще трое женщин смотрят корейский сериал по настенному телевизору, рядком сидя под сушилками для волос, и я вытягиваю шею, чтобы поприветствовать их через плечо хозяйки: — Привет, миссис Лим, миссис Чан, миссис Сутджиаван!

— Привет, Дженни! — хором откликаются они, едва махнув рукой и тут же снова прилипая к экрану, где главная пара явно подходит к типичному для таких сериалов поцелую. Мужчина наклоняет голову в одну сторону, женщина в другую, их губы соприкасаются — и сцена затемняется под торжественные переливы драматичной музыки.

Когда начинаются титры, посетительницы мечтательно вздыхают, откидываясь на кресла. Ну, по крайней мере, двое из них.

— И это что, все? — возмущается миссис Сутджиаван, кидаясь в телевизор тапкой.

— Вот, держи. — Миссис Ким протягивает мне пакет, не обращая внимания на происходящее в салоне. Внутри я вижу еду, завернутую в бумажный пакет из «Эйч-Марта»¹ и крепко перевязанную для верности. — Это вам с мамой.

— Спасибо, — с легким поклоном благодарю я, придерживая шоппер на плече.

— Твоя мама слишком много работает! Лучше бы побольше была дома да приглядывала за дочерью.

Я почти уверена, что мамин рабочий день в офисе ничуть не длиннее, чем у миссис Ким в ее парикмахерской, но мне хватает сдержанности промолчать об этом. Поэтому я продолжаю вежливо улыбаться, как и положено «воспитанной молодой девушке», и это, похоже, работает — лицо миссис Ким смягчается.

— Мама, наверно, так гордится тобой, Дженни. Ты такая прилежная ученица, да еще на виолончели талантливо играешь! Я все повторяю своей Юнис, что в хорошие музыкальные школы берут только лучших из лучших, но разве она слушает?

— Суки-сси²! — зовет одна из посетительниц.

— Иду! — откликается хозяйка, возвращаясь в салон.

А я наконец добираюсь до следующей двери.

¹ Корейско-американская сеть супермаркетов.

² Суффикс, употребляемый при уважительном или формальном обращении к людям примерно одного возраста и положения. Добавляется либо к имени, либо к имени и фамилии и может использоваться, например, при поверхностном знакомстве или между коллегами.

Миссис Ким сравнивала нас с Юнис с тех самых пор, когда в седьмом классе мы начали участвовать в одних и тех же конкурсах классической музыки. Учитывая, какие комплименты получаю я, страшно даже представить, что достается Юнис в противовес. В последнее время я не видела ее ни на одном конкурсе — и в прошлую субботу тоже. Его результаты сейчас жгут мне карман, и если бы миссис Ким увидела, как обо мне отзывается жюри, то вряд ли стала бы так рассыпаться в похвалах.

Когда я вхожу, колокольчик над дверью «Караоке Джей» звенит, возвещая о моем прибытии.

— Одну минуту! — откликается дядя Джей из-за шторы, отделяющей бар от кухни.

Я обхожу прилавок, сбрасываю с плеча сумку и открываю холодильник, чтобы запихнуть контейнер миссис Ким между бутылками с соджу.

Семь лет назад дядя с отцом купили это место, чтобы исполнить свою детскую мечту и вместе управлять собственным караоке.

Пусть дядя Джей нам не родственник по крови, они с отцом были как братья. Когда отца не стало, именно дядя Джей попросил маму, чтобы позволила мне приходить сюда на подработку после школы. Поначалу она была против: боялась, что мне не хватит времени на учебу и репетиции в оркестре, — но смягчилась, когда дядя разрешил делать домашнее задание в свободное время. К тому же я практически выросла здесь. Помню, как отец смеялся вместе с дядей Джем, стоя за барной стойкой и смешивая на скорую руку новый коктейль, который придумал сам, и про безалкогольный напиток специально для меня тоже не забыл.

Мама много лет не пускала меня в бар из опасений, что он будет постоянно напоминать об отце, — но пока мне здесь весело, да и вспоминается только хорошее.

Я брызгаю на стойку чистящим средством и как следует протираю, после чего перехожу к высоким барным столикам. В основном зале никого нет, но если посмотреть в коридор, то видно: некоторые из отдельных караоке-залов заняты.

— Привет, Дженни, так и знал, что это ты. — Дядя Джей появляется из-за занавески, держа в руках две бумажные тарелки с горячей едой. — Сегодня наше блюдо дня — пулькоги³ тако. Проголодалась?

— Умираю с голоду, — подтверждаю я, запрыгивая на высокий барный стул. Дядя Джей ставит передо мной тарелку, на которой лежат два тако с пулькоги, замаринованным в соусе дядиного изобретения, капустой, помидорами, сыром и кимчи⁴.

Пока я уплетаю еду, дядя включает телевизор над стойкой и просматривает список фильмов на Netflix.

Это наша традиция. До ночи в баре никого особо не будет, поэтому ранние вечера мы проводим за едой и кино — в основном нам нравятся азиатские фильмы про гангстеров.

— Ну вот, — говорит дядя Джей, останавливаясь на одном из наших любимых — «Человек из ниоткуда», или «Аджосси»⁵. Это боевик про ожесточившегося бывшего копа, который отправляется спасать соседскую девочку, когда ее похищают наркоторговцы. Как «Заложница» по-корейски, только

³ Блюдо корейской кухни, представляющее из себя маринованное мясо (чаще всего говядина или телятина, реже — курица или свинина), которое жарят на гриле.

⁴ Блюдо корейской кухни — острая квашеная капуста.

⁵ Мужчина среднего (как правило, от 40 лет) или более старшего возраста, «дядя». Также название фильма 2010 года.

лучше, потому что там не было Вона Бина. Вон Бин все делает лучше.

Дядя Джей включает субтитры, и мы приступаем к еде, обсуждая в процессе, насколько сложно воспринимать Вон Бина как аджосси — это в его-то тридцать три года. Когда приходят посетители, дядя делает звук потише и провожает их к залам. Я слежу за монитором, который показывает, не нажал ли кто-нибудь кнопку вызова, чтобы я могла принять заказ и принести еду, пока дядя разбирается с напитками.

К девяти вечера половину залов заняли, а фильм закончился — вместо него из колонок ревет кей-поп. Дядя Джей каждый месяц проигрывает в баре подборку лучших клипов с YouTube — я как раз смотрю, как группа девушек в одноцветных костюмах синхронно танцуют под прилипчивую электропоп-песню.

В отличие от некоторых ребят в школе, я так и не смогла втянуться в кей-поп — как и в любую другую поп-музыку, если уж на то пошло. В моем любимом плейлисте есть место только Баху, Гайдну и Йо Йо Ма.

— Ты разве не участвовала в важном конкурсе на этой неделе? — спрашивает дядя Джей из-за стойки, протирая стакан и рассматривая его на предмет пятен.

У меня внутри все резко холодеет.

— В субботу был, — горько улыбаюсь я. — Результаты пришли утром.

— Да? — хмурится дядя. — И что там?

— Я победила.

— Что? Правда? Ого, поздравляю! — Кулак дяди Дджея торжественно взлетает в воздух, отвлекая внимание парочки посетителей от их тарелок с тако, и дядя поясняет: — Моя племянница — чемпион!

— Ага... — Я вожу пальцем по двум инициалам, вырезаным на столешнице, с сердечком между ними.

— Что не так? — Дядя Джей ставит стакан на стойку и откладывает в сторону тряпочку для протирания. — Я же вижу, тебя что-то тревожит.

— Жюри оставило свои комментарии. — С этими словами я выуживаю из кармана листок бумаги, который успела заметно помять, разгладить и наконец сложить в квадрат. — По идее, они должны помочь мне улучшить навыки к следующему конкурсу.

Пока дядя Джей читает заметку, перед глазами встают слова, которые я уже запомнила наизусть.

«Дженни очень талантлива и отлично справляется с технической стороной музыки, но в ней не хватает той искры, что сделала бы из идеальной ученицы выдающегося музыканта».

В следующем году сотни таких же виолончелистов, как я, подадут документы в лучшие музыкальные школы страны. И для поступления туда одной безупречной техники мало — я должна быть выдающейся, особенной.

Дядя Джей возвращает мне листок:

— И талантливая, и исполнение идеальное! По-моему, все так и есть.

Я запикиваю заметку поглубже в карман.

— Ты пропустил часть про «бездушного робота».

— Да, *это* я точно упустил из виду! — смеется дядя. Однако немного он мне, видимо, все-таки сочувствует, потому что тут же добавляет: — Я понимаю, что они тебя огорчили, но это всего лишь критический разбор, ты же постоянно такие получаешь.

— Дело *не только* в разборе, — возражаю я, пытаюсь передать свою досаду словами. — Мне просто нечего улучшать. В музыке эмоции передаются через тональность и динамику, а я прекрасно справляюсь и с тем, и с другим.

Дядя Джей бросает на меня косо́й взгляд.

— Они сказали, что во мне нет искры!

Он с вздохом прислоняется к барной стойке.

— Мне кажется, ты еще просто не нашла свою искру, которая разожгла бы в тебе пламя стремления к тому, чего ты хочешь. Взять, например, нас с твоим отцом, когда мы решили открыть этот караоке-бар, хотя все вокруг твердили, что это пустая трата денег. Даже твоя мама так говорила, хотя ее сложно винить, ведь ей с детства приходилось считать каждую монету. Мы знали: будет непросто, и, может, вообще ничего не выйдет, но мы все равно попытались — потому что об этом мечтали.

— Но... — медленно начинаю я, — какое отношение это имеет к моей проблеме с жюри в музыкальных школах?

— Давай я сейчас все объясню по-твоему. Помнишь фильм, который мы сегодня смотрели, «Аджосси»? Вон Бин там говорит одну фразу, которую можно примерно перевести как «Живущие завтрашним днем должны бояться людей, живущих днем сегодняшним». И знаешь почему?

— Не-ет, — тяну я. — Но сейчас ты мне расскажешь.

— Потому что те, кто живет будущим, не рискуют. Они слишком боятся последствий. Тогда как живущие настоящим борются, не жалея себя, ведь им нечего терять. Я хочу сказать, может, тебе стоит поменьше думать о том, что впереди — о поступлении в музыкальную школу, и что будет после нее, — а вместо этого... просто пожить в свое удовольствие? Испытать что-нибудь новое, найти друзей? Поверь, твоя жизнь может быть такой, какой хочешь, если окунуться в нее как следует.

Над дверью звенит колокольчик, возвещающая о прибытии новых посетителей.

— Добро пожаловать! — приветствует их дядя Джей, оглябая стойку и оставляя меня вариться в своих мыслях.

Я подумывала написать сообщение маме, но и так прекрасно знаю, что она скажет: надо больше практиковаться и, возможно, дополнительные позаниматься с Юнби. И не слушать дядю Джея. Если он стремится жить в настоящем и следовать за мечтами, то мама куда более практична. Она уверена, что у меня получится сделать карьеру успешной виолончелистки, но только если я буду усердно работать и полностью сконцентрируюсь на своей цели.

Все, что к этому не относится, только отвлекает почему зря.

Правда, я *и так* усердно работала — миссис Ким подтвердит, да и Юнис, наверно, тоже, — *и все равно* получила такой критический разбор.

Может, дядя Джей и прав.

— Не волнуйся, малышка, — успокаивает он, возвращаясь от посетителей. — Ты со всем разберешься. Почему бы тебе не пойти домой пораньше? Отдохнешь, а сюда скоро Боми придет.

Боми — это угрюмая студентка Калифорнийского университета, которая обычно работает по ночам.

— Только проверь восьмой зал перед уходом: у них закончилось время, но они все еще там сидят.

— Идет, — вздыхаю я, соскальзывая с барного стула, и плетусь дальше по коридору. Больше всего из своих задач я не люблю участвовать в конфликтах с посетителями. Ну почему они не могут просто прочитать правила?

В большинстве караоке в Штатах посетители платят перед уходом. Обычно тариф почасовой — люди сами следят за временем и учитывают, сколько им нужно будет заплатить. Но дядя Джей делает так же, как в Корее: деньги вносятся заранее, за определенное количество часов. В каждом зале есть таймер, благодаря чему посетителям не приходится тратить больше, чем они собирались. Если

они захотят задержаться, то всегда могут продлить время. Мама вечно жалуется, что дядя Джей ничего не смыслит в бизнесе.

Дверь в восьмой зал закрыта, изнутри не доносится ни звука — но это логично, раз их время вышло. Я стучусь один раз и вхожу.

Этот вип-зал самый большой в нашем баре, в нем могут поместиться человек двадцать. Поэтому я удивляюсь, увидев всего одного парня примерно моего возраста, который сидит в углу, привалившись к стене и закрыв глаза.

Я пытаюсь найти следы присутствия в зале кого-нибудь еще, но на длинном столе пусто — ни еды, ни напитков. Если он и правда арендовал это место только для себя, то он наверняка не из бедных. Одежда выглядит дорого: на плечи накинута атласная рубашка, а длинные ноги обтягивают мягкие черные штаны. Левая рука в гипсе, зато на правом запястье поблескивают часы «Ролекс», и... это что, *тату-рукава*?

Да у какого подростка могут быть такие татуировки?

Я снова перевожу взгляд на его лицо и вздрагиваю, заметив, как он открыл глаза. Я жду, не заговорит ли он, но юноша продолжает молчать. Я кашляю разок, чтобы прочистить горло.

— Ваше время вышло. Если вы желаете продлить его, то нужно доплатить. 50 долларов за час. Иначе вам придется уйти.

Вышло резковато, я не хотела грубить. А все из-за этого юри — испортили мне настроение.

Вспышки от диско-шара на потолке, кажется, только сгущают повисшую тишину.

Может, парень не говорит по-английски? А вдруг он *из самой Кореи*? В Америке подростки не такие стильные.

Я пробую еще раз, уже по-корейски:

— Сиган Джинессейо. Нагасейо, — то есть «Время кончилось. На выход». Но я использовала почтительное обращение, так что с *формальной точки зрения* это было вежливо.

— Я услышал с первого раза, — отвечает он низким мягким голосом по-английски, но с легким акцентом, от которого слова будто звучат теплее.

Я чувствую, что щеки ни с того ни с сего начинают заливаться румянцем.

— Тогда почему ничего не ответил?

— Пытался решить, стоит ли мне обидеться.

Я указываю на большую ламинированную книгу в центре стола, в которой перечислены названия всех доступных в караоке песен.

— Правила написаны на обложке сборника, и в них сказано: если ты не зарезервировал новое время по истечении пятнадцати минут, то обязан немедленно уйти.

Парень лишь пожимает плечами.

— У меня деньги кончились.

— Сильно сомневаюсь, — возражаю я, бросив взгляд на его кожаные ботинки от «Гуччи».

— Это не мои.

Я хмурюсь.

— Ты их украл?

Он запинается, а затем медленно отвечает:

— Можно сказать и так.

Интересно, это ложь? Почему-то мне так не кажется. Я не видела, как этот парень заходил в бар. Сколько он уже здесь сидит, да еще в одиночку? И кто вообще так делает, если только не пытается спрятаться? Может, это все влияние сегодняшнего «Аджосси», но меня вдруг озаряет одна мысль.

Я подхожу ближе. Парень делает то же самое, отрываясь от стены.

— Тебе... — начинаю я, но тут же приглушаю голос: — Тебе нужна помощь?

В криминальных драмах ребята моего возраста оказываются в преступных группировках отнюдь не потому, что сами так захотели.

Он пожимает плечами.

— Конкретно сейчас пятьдесят долларов были бы очень кстати.

— Нет, я имею в виду, у тебя проблемы? Ну... из-за какой-нибудь группы, например.

На мгновение парень округляет глаза, будто опешив от моего вопроса. Потом до него доходит, и он быстро опускает взгляд.

— А, так ты догадалась.

— Тебе, должно быть, лет шестнадцать или семнадцать... — Я воодушевленно киваю и продолжаю настаивать: — В Штатах есть законы, защищающие несовершеннолетних. Если тебе нужна помощь, только попроси.

Вдруг его чем-нибудь шантажируют — например, держат в заложниках родственника или друга.

Он ненадолго замолкает, чтобы тихо ответить:

— Если бы я попросил спасти меня, ты бы это сделала?

У меня сжимается сердце.

— Я могу попробовать.

Он смотрит мне в глаза, и я чувствую, как сбивается дыхание. У него безупречная кожа, темные глаза, мягкие волосы и полные вишнево-красные губы. Кажется почти неправильным, что кто-то может быть настолько прекрасным.

Он опускает голову, и его плечи начинают подрагивать. Он что, плачет?.. Я подхожу ближе, только чтобы понять: он...

Смеется! Даже по колену здоровой рукой хлопнул.

Вот подонок! А я-то за него *волновалась!*

Я вылетаю за дверь, топая от возмущения.

Дядя Джей занят в фойе — продляет время для одного из залов, — но ему хватает одного взгляда на мое лицо, чтобы вздохнуть:

— Парень не хочет уходить, да? Не волнуйся, я сейчас разберусь.

Он начинает обходить стойку, но я вскидываю ладонь, вспомнив его слова: «*Поживи в свое удовольствие*».

— Подожди. Я сама справлюсь.

Глава вторая

Парень сидит все там же, в углу, когда я возвращаюсь в зал — он явно пропустил мои слова про инструкции мимо ушей. Почему-то я даже не злюсь, хотя, может, и стоило бы. Но это не важно.

Я начинаю:

— Значит, расклад такой: я продлила время на двадцать минут.

— Вот это щедрость, — изгибает бровь он.

— Но не за просто так. Я вызываю тебя на караоке-баттл⁶.

Судя по пустому взгляду, он меня не понимает.

— Давай покажу. — Я забираюсь на сиденье напротив, беру пульт и включаю на экране счет очков. — Теперь программа будет оценивать наше выступление после каждой песни. Если победишь, я продлю твоё время здесь ещё на час. Бесплатно. Но если выиграю я — ты уйдешь.

Я смогла себя немного удивить. В жизни бы не подумала, что брошу вызов в караоке не только незнакомцу, но еще и парню примерно моего возраста, который выглядит как самый красивый человек из всех, кого я встречала. Но после

⁶ От англ. «karaoke battle» — соревнование, кто лучше исполнит песню в караоке.